

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

ПРОШЛОЕ НОВГОРОДА И НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

Материалы научной конференции

13–15 ноября

Часть 1

Великий Новгород
2000

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

ПРОШЛОЕ НОВГОРОДА И НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

Материалы научной конференции
13–15 ноября

Часть 1

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД
2000

Н. Б. Безус (Великий Новгород)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ БЕЛЬСКОГО ПОГОСТА ДЕРЕВСКОЙ ПЯТИНЫ КОНЦА XV ВЕКА

Бельский погост располагался в среднем течении реки Мсты. Его северная и северо-восточная граница проходила по Мсте с Богородицким и Прокофьевским погостами Бежецкой пятины. С юга погост граничил по реке Полоне и ее левому притоку – реке Ужинке – с Язвицким погостом Деревской пятины, а на западе – с Оксоцким и с Креничским погостами. Название Бельский происходит от реки Белой – левому притоку Мсты, протекающей по Бежецкой пятине. Особенностью описания данной территории в писцовой книге 1495 года является то, что центр погоста не обозначен. Означает ли это, что его не было вовсе? О существовании центра свидетельствуют сообщения платежной книги Бежецкой пятины конца XV века: “Успенья святые Богородици з Белой из-за Мсты в Богородицком погосте сох 5 с третью”¹. В то же время сама книга не упоминает погостского центра Бежецкой пятины. Центр Бельского погоста Деревской пятины упоминается и в более поздних источниках: в Обыскной книге 1573 г.: “Обыскные книги писал Пречистенский дьячок з Белой Гриша Лукин сын”², а также в писцовой книге Деревской пятины 1581–1582 гг. Дмитрия Андреевича Замыцкого и подъячего Третьяка Мокеева, в ней говорится: “Погост Бельской. А на погосте храм Успения Пречистые. Двор поп Иван, двор церковный дьячек Нечайко, двор понамарь Яковец, двор проскурница, да 10 келей, а в них живут нищие, а питаются о церкви Божьи”³. Из описаний ясно, что центр погоста располагался на правом берегу реки Мсты, в устье реки Белой, на погосте находилась церковь Успения Пречистые Богородици, отсюда и название погоста Бельский Богородицкий. Можно предположить, что центр Бельского погоста Деревской пятины возник раньше центра одноименного погоста в Бежецкой пятине, впервые о котором узнаем из писцовой книги 1564 года: “Погост Богородицкий на Белой, на

погосте церковь Успения Пречистые, да в приделе собор Ивана Предтечи, да теплая церковь Троица Живоначальная...”⁴ Возможность существования изначально только одной церкви можно объяснить территориальной целостностью Бельского погоста, который был искусственно разделен по реке Мсте на две административные единицы в конце XV века. Какое-то время функции погостского центра для Бельского погоста Бежецкой пятины исполняла Богородицкая церковь на правом берегу реки Мсты, пока не была поставлена своя церковь. Подтверждением гипотезы об исконно общей территории двух погостов на р. Белой служат неоднократно повторяющиеся упоминания в платежной книге Бежецкой пятины 1499 года владельцев земель “из-за Мсты реки”⁵.

Описание Бельского погоста Деревской пятины начинается с оброчных земель, затем перечисляются помещичьи и, наконец, монастырские. В писцовой книге 1495 года упоминается другой погостский центр: “В Бельском погосте в Лишинах деревни монастырские Воскресенского монастыря из Гончарного конца. Погост Лишино, в нем церковь Велики Егорей, на погосте двор монастырский, а в нем живет проскурница Орина, двор церковный дьяка Феалатко, двор сторож Микулка. Не пашут”⁶. В деревне Подгорье, расположенной недалеко от погоста, находился пашенный двор попа Егорьевской церкви Денисия⁷. Лишины располагались в северной части погоста на правом берегу реки Мсты. К погосту Лишины тянулись деревни, которыми также владел Воскресенский монастырь. В писцовой книге говорится: “А деревень к погосту...”, далее все они перечисляются, в конце подводится итог: “По старому письму деревень тридцать без дву, а дворов в них шестьдесят три, а людей в них шестьдесят четыре человека, а обож у них пятьдесят девять. Прибыли две деревни, а дворов и с непашенными тридцать два, а людей сорок человек, а убыло обож полтретьи обжи. А по новому письму к погосту деревень тридцать, а дворов в них и с непашенными девяносто пять, а людей в них сто четыре человека, а обож пятьдесят и полсеми обжи, а сох девятнадцать без полутрети”⁸.

Кроме деревень монастырю принадлежал также рядок на реке Мсте. В писцовой книге перечисляется 8 дворов рядка: “дв. Якушко Лучкин, дв. Михалко Олешков, дв. Михалко Дмитров, дв. Вафрамейко, дв. Гридка, дв. Лучка Микитины, дв. Микитка Ермаков,

дв. Онанко Сенкин, дв. Офонаско Говно, дв. Левоник Михалев, не пашут”⁹. Этот рядок относится к типу непашенных, в нем находились монастырские крестьяне, которые не занимались земледелием. В книге не говорится о роде занятия его жителей. В более поздних писцовых книгах XVI века нет упоминания даже самого рядка, возможно, что он перестал существовать из-за отсутствия пашенного земледелия. Исследователи, изучающие вопрос происхождения и развития рядков, отмечали, что невозможно дать полную характеристику именно этому населенному пункту, а также выявить его назначение, поскольку он упоминается всего лишь один раз в писцовой книге 1495 года¹⁰. Обращает на себя внимание и сообщение о дворе в деревне Тучково ключника Хорки, которая находилась на территории монастырской земли. Характерно, что крестьяне Воскресенского монастыря в Бельском погосте не выделяли часть своего дохода в пользу ключника. Вообще особенностью росписи доходов крестьян монастырских, владычных и своеземцев является то, что они никогда не указывались в писцовой книге. На монастырских землях по всей Деревской пятине встречается только 18 случаев упоминания платежей монастырских крестьян¹¹. Не исключено, однако, что ключник получал свой доход и с монастырских крестьян. По писцовой книге насчитывается 18 деревень помещиков, с которых ключник Хорка получал доход одними натуральными продуктами, подсчеты показали, что это было 12 овчин, 21 лопатка, 17 горстей льна, 22 сыра, 8 коробей с 1,5 четками овса и 2 коробьи с 11 четками ржи. По старому письму также упоминается ключничий доход с 15 деревень, его размер не намного изменился по сравнению с доходом нового письма: 16 сыров, 17 лопаток, 18 овчин, 15 горстей льна, 2,5 четки ржи, 2 коробьи овса. Сравнив старый и новый доход, можно заключить, что увеличение наметилось по хлебной статье. Ключник стал в 4 раза больше получать овса и в 13 раз больше ржи. Определить денежный доход ключника сложно, так как во многих случаях писец подсчитывает весь доход с деревни вместе с ключничьим: “ а с Куземки дохода нового и за четвертной хлеб и за ключничь доход пол-2 гривны”, или “ старого дохода и за ключничь 2 гривны, а из хлеба четверть”¹².

Локализация деревень Воскресенского монастыря установила их расположение по правому берегу реки Мсты, по Черному

ручью, который протекал по границе с Кременицким погостом и Язвицким погостами по реке Ужинке, в центральной части Бельского погоста волостка монастыря размещалась в бассейне реки Каменки¹³ (рис. 1). По Обыскной книге 1582–1583 годов волостка Воскресенского монастыря представлена уже в частичном запустении: “Да Воскресенского монастыря из Горночанского конца пустых деревень, д. Ляпышево две обжи пусты, д. Кузовня две обжи пусты, в деревне в Гоголицах полтрети обжи пусты, д. Лунево обжа пуста, в деревне в Кирилове полторы обжи пусты, в деревне в Боркове без четверти обжа пуста, в деревне в Плоском четверть обжи пуста, в деревне в Стехловщине четверть обжи пуста, в деревне в Коршине дворе пять обеж пусты, в деревне в Зеленем без четверть обжа пуста, в деревне за Лужею полтрети обжи пусты, в деревне в Угли в Пикалеве две обжи без четверть пусты, в деревне на Середке две обжи без четверти пусты, в деревне в Лосоткино обжа пуста семь лет, в деревне на Рудное горе пол обжи пусты, в деревне Тотарское четверть обжи пуста, в деревне на Бускове четверть обжи пуста, в деревне в Заболотье обжа пуста, в деревне в Углу в Пикалеве четверть обжи пуста, в деревне в Залужье четверть обжи пуста, в деревне на Середке две обжи с четвертью пусты, в деревне на Петровщине четверть обжи пусты, в деревне на Залеже четверть обжи пуста, в деревне в Углу в Офимове четверть обжи пуста, в деревне за Шалугом пол обжи пусты четыре лета”. О причинах запустения писец говорит в конце описания пустых земель: “Земли запустели от худобы и от лихого поветря и от мору...”¹⁴ Подсчитав общее количество пустой земли, можно сделать вывод о том, что из 59 обеж, упомянутых в писцовой книге конца XV века, запустело только 22 обжи, что является весьма незначительной частью по сравнению с масштабами запустения, представленными Обыскной книгой конца XVI века. Уже в XVII веке погост в Лищинах считался царской волостью. В доезжей памяти о выборе в Бельском погосте Деревской пятины дворян и детей боярских от 1606 года упоминается: “губной целовальник Едровского стану Иван Терехов приезжал в Деревскую пятину, в Богородицкий погост в Бельский, и в Лишеновскую волость государя царя и великого князя Дмитрия Ивановича всеа Руси с грамотою... А доезжую память писал Егорьевский дьячок Лишеновский волости Иванко Артемьев”¹⁵.

Кроме упомянутой монастырской волостки, в погосте располагалась и дворцовая волость великого князя Светици. До конфискации эти земли были за Олферием Ивановичем Афонасовым – крупным новгородским землевладельцем, известным политическим деятелем новгородской независимости. Летопись под 1475-м годом упоминает, что Иван III во время своего “мирного” похода на Новгород “выслал от себя вон Ивана Афанасова да сына его Олферия, да тех поимати же велел в том, что мыслили от великого князя Новугороду датися за короля; а взял Ивана Василей Китай, а сына его Юрьи Шестак. Потом же в третий день во вторник прииде к великому князю на Городище архиепископ и посадници бити челом от всего Новагорода о изыманах боярех, чтобы пожаловал, смилословался, казни им отдал и на поруку их дал. Князь же великий владчнчя челобитья и Новагорода не приа и отвеща им тако: “ведомо тебе, богомольцу нашему, и всему Новугороду, отчине нашей, колико от тех бояр и наперед сего лиха чинилося, а нынеча что ни есть лиха в отчине нашей, то все от них чинится; ино как ми за то их жаловати?” Да того же дни и послал их к Москве, оковав, с своими приставами”¹⁶. Отец Олферия Иван Афонасов известен как новгородский посадник под 1459 годом¹⁷. Иван Афонасов был также душеприказчиком в духовной Федора Остафьевича на недвижимое и дви жимое имущество в Ловати, Кокшенгском погосте, Бежицах и других местах¹⁸. В. Л. Янин, делая сопоставление с летописным списком посадников, устанавливает, что именно Иван Афонасов носил прозвище Нимер. Исследователь приходит к выводу, что линия родства Офонасия восходит к посаднику Федору Тимофеевичу, о котором упоминается в летописи под 1414 годом¹⁹.

Центр владения дворцовой волостки находился в деревне Светици. На современной карте сохранилось название деревни Большие, Малые и Средние Светицы, расположенные на правом и левом берегах Мсты. Писцовые книги также различают села Светици на левом берегу Мсты, в Деревской пятине, и на правом – в Бежецкой: “В Богородицком же погосте за Темирем за Петровым, сыном Лутовинина, деревня Светычи: дв. помещиков Темирев...”²⁰ Свое название деревня получила от озера Светычи, “а с озера Светичского с Олферского участка давали оброку 2 гривны”²¹, “а угодыя: в озере Светычах им половина”²². В Бежецкой пятине де-

ревня Светычи была центром родовой волостки помещиков Светычских. Платежная книга 1499 года упоминает: “Федка да Игнатик Олешкины дети Забелина, деревни за ними Ивановские Чернцовы да брата его Семеновские Светычских на Белой ж в Богородицком погосте из-за Мсты, сох 9 с третью”²³, “Василья Долгово Светычского в Никольском погосте в Шереховичах и в Богородицком погосте из-за Мсты пол-4 сохи”²⁴.

Рис. 1. Бельский погост по писцовой книге 1495 г.

Локализованные деревни: Олександра Самсонова оброчные – 2. д. Салоткая; Ивана Захарьина Овинова – 6. д. Галицыно; Ивана, Кузьмы, детей Василя Кобылкина – 9. д. Залужье; Васюка, Ивана, Олейки, Ондрейки, Ондреана Кийковы за Ивановыми Перфурьева Гридою и Васюком – 10. Светычи сел., 11. д. Демешково, 13. д. Паршино, 15. д. Кузнецово, 17. д. Садилово, 18. д. Дураково, 22. д. Степанково; Общие деревни великого князя в Олферьевских, Иванова сына Офонасова, на Васюковских жеребьях с братею – 26. д. Погорелица, 27. д. Другое Залужье, 28. д. Боровщина; деревни Воскресенского монастыря из Гончарного конца – 29. Лишины погост, 30. д. Плоское, 31. д. Гюрилово, 32. д. Головино, 33. д. Татарское, 35. д. Тучково, 37. д. Подгорье, 38. д. Лунево, 39. д. Жирачево, 40. д. Рожново, 42. д. Коршыно, 44. д. Лосоткино, 45. д. Залужье, 46. д. Онтушево, 51. д. Уголь, 53. д. Фомино, 55. д. Зашелужье, 57. д. Гоголица; Волость великого князя дворцовая

Светичи – 64. д. Высокуша, 66. д. Борик, 68. д. за Черным, 69. д. Сторонино, 71. д. Полоная на Подоле у часовни, 72. д. Высокушка, 75. д. Погорелица, 77. д. Бортища, 78. д. Заборовье, 79. д. Сельцо на реке на Мде.

По писцовой книге и писцовой книге дворцовых земель деревня Светцы общая. Раннее часть принадлежала Олферу Иванову сыну Афанасову: “ Митрофаник Олешков, Ермачко Кондратов, Михаль Климов, Андрейко Васьков, Омельялко, Филька, Федотко Васьковы, сеют ржи 17 коробей, а сена косят пол-200 копен, пол-6 обжи. Старого дохода из хлеба четверть, 6 баранов, 6 полотей мяса, 6 пятков льну, а посельскому коробья ржи, 2 коробьи овса, 4 сыры, 4 лопатки бараньи”, в том числе и два двора представителя волостной администрации – посельского, “ да в той же деревне в Светичах за посельским за Андрейком: Нестерик Олешков, Спирко Якушев... 2 обжи. Старого дохода с тех 2-х обиж не было, из старины за посельским”²⁵. Часть деревни принадлежала помещикам “Васюку да Ивашке да Ондрейке да Ондреанке Кийковым”²⁶ – 7 обиж, по новому письму эти обжи числятся за Гридой и Васюком детьми Ивана Перфурьева, где они жили в своих дворах²⁷. Всего в этой деревне было 12 дворов и 13,5 обиж. Обращает на себя внимание упомянутый в писцовой книге доход посельского. Из 20 деревень ему платили 12 деревень, в 8-ми “старого дохода не было”. Подводя итог по всей волостке, писец подсчитал: “ А посельничья дохода с той волости пол-6 коробьи ржи, пол-11 коробьи без четки овса, 21 сыр, 21 лопатка баранья, коврига, 3 горсти льну”²⁸. Писец также не видит разницы между посельским ключником и приказчиком: “ А оброку великого князя на ту волостку положено деньгами и за озеро полшеста рубля новгородских да опричь двух обиж ключничьих”²⁹. Интересен и тот факт, что после конфискации земель должность посельского упраздняется. В “новом” доходе крестьян не упоминается доход в пользу посельского. Возможно, что теперь все управление и решение хозяйственных вопросов передавалось дворецкому и дьякам. В писцовой книге упоминается о “дворецких” и “дьячих” пошлинах, которые составляли “полпяти гривны полчетверты деньги”³⁰.

Кроме Светычей были еще 4 общие деревни с Кийковыми: деревня Погорелица, деревня Залужье, деревня Залужье же, деревня Бортище (Боровщине). Всего в волости великого князя по старому

письму было 20 деревень с 42 дворами, в которых жило 91 человек, что составляло 27 обож. Территория волостки залодила в Морконичский погост: “ И за рекою за Мстою великого князя деревни Олферьевские ж в Бежецкой пятине в Морконичах... деревня Заборовье..., деревня Сельцо на реке на Мде... ”³¹ Деревни волости размещались по рекам Мсте и Полоне.

Таким образом, вырисовывается картина распределения земли в погосте до и после конфискации. Во времена Новгородской независимости всего 8 обож были на оброке. Большую часть владений составляли помещичьи земли – 98 обож, остальная часть – монастырские – 59 обож.

До конфискации земельные владения здесь имели новгородские фамилии: Овиновы, Кобылкины, Кийковы, Офонасовы. Самый большой надел земельных владений принадлежал семье Кийковых, он составлял 23 деревни, 52 обжи, включая общие с Олферием Ивановичем Офонасовым. Последнему принадлежала волостка в 23 обжи, впоследствии ставшая дворцовой волостью великого князя. У остальных помещиков размеры владений составляли 2–3 деревни.

После конфискации возросло число оброчных земель, их стало 18 обож, количество помещичьих земель также увеличилось, по писцовой книге насчитывается 42 обжи и 14 1/3 сохи, земли великого князя также увеличились, они стали составлять 46 обож, размеры монастырской земли уменьшились на 2 обжи.

В целом земельная политика, проводимая Иваном III по перераспределению земель, в рассматриваемом Бельском погосте мало чем была заметна. Сравнение старого и нового письма писцовой книги 1495 года показало, что количественное соотношение категорий земельных собственников осталось прежним. Однако исконно новгородские фамилии были заменены на московские. Теперь владельцами земли в Бельском погосте стали Масленицкие и Перфурьевы. Кроме того, часть земель бывшего новгородского боярина Олферия Ивановича Офонасова отошла к дворцовым землям великого князя. В последующем периоде развития земельной собственности в XVI веке новые московские землевладельцы обосновались здесь и продолжили свои роды.

В исследованиях Г. А. Победимовой, основанных на писцовых материалах XVI века, ярко показан процесс закрепления и

развития московских фамилий как в целом по всей Деревской пятиине, так и в конкретно взятом погосте³². Ббльшая значимость Бельского погоста в половине графа Морозова отмечена тем фактом, что именно с этого погоста начинались обыски второй половины XVI века³³.

Проведенная локализация населенных пунктов по писцовой книге Бельского погоста выявила особенности расселения в конце XV века. Большая часть деревень была расположена в бассейнах крупных рек Мсты и Полоны, а также по берегам мелких речушек Ужинки, Каменки, Черному ручью. Для погоста характерен кученно-гнездовой тип заселения, когда ряд деревень тянутся к одному центру – погосту или крупному селу³⁴. Таких центров по источникам конца XV века было два – погост в Лишинах и село Светычи. Сам погостский центр с Богородецкой церковью, возможно, представлял более важное значение для Бельского погоста Бежецкой пятины, чем для погоста Деревской, вследствие более близкого к нему расположения и предположительно исконной территориальной целостности двух Бельских погостов. Этим же объясняется и отсутствие поселений в северо-западной части погоста, по Мсте, так как они принадлежали земельным владельцам Бежецкой пятны.

¹ Писцовые книги Новгородской земли. М., 1999. Т. 1. С. 232.

² Российский государственный архив древних актов. Ф. 137 по Устюгу. № 117. Л. 454 об. (Далее: РГАДА.)

³ Неволин К. А. О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке // Записки императорского Российского Географического общества. М., 1853. Т. XIII. С. 246.

⁴ Новгородские писцовые книги. СПб., 1905. Т. V. Стб. 851. (Далее: НПК.)

⁵ Писцовые книги Новгородской земли. С. 230–231.

⁶ НПК. СПб., 1862. Т. II. Стб. 422.

⁷ Там же.

⁸ НПК. Т. II. Стб. 424.

⁹ НПК. Т. II. Стб. 424.

¹⁰ Ильинский А. Городское население Новгородской области в XVI веке // Журнал министерства народного просвещения. 1876. № 7. С. 223–225; Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 118.

¹¹ Аграрная история Северо-Запада России (вторая половина XV–начало XVI века) / Под ред. А. Л. Шапиро. Л., 1971. С. 105.

¹² НПК. Т. II. Стб. 415.

¹³ Локализация проводилась на основе материалов Генерального межевания 1779–1780 гг. ГАНО. Ф. 236. Оп. 2.

¹⁴РГАДА. Ф. 137 по Устюгу. № 117. Л. 453 об.–455.

¹⁵Русская историческая библиотека. Т. 35. Архив П. М Строева. Петроград, 1917. Т. 2. № 44. С. 68.

¹⁶Полное собрание русских летописей. М., 1963. Т. 25. С. 306. (Далее: ПСРЛ.)

¹⁷ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 16. Стб. 128.

¹⁸Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М., 1949. С. 17.

¹⁹Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 77.

²⁰НПК. Т. V. Стб. 861.

²¹Писцовые книги Новгородской земли. С. 79.

²²НПК. Т. II. Стб. 419.

²³Писцовые книги Новгородской земли. С. 230.

²⁴Там же. С. 232.

²⁵Там же. С. 77.

²⁶НПК. Т. II. Стб. 415.

²⁷Писцовые книги Новгородской земли. С. 77.

²⁸Там же. С. 79.

²⁹Там же.

³⁰Там же.

³¹Там же. С. 78–79.

³²Победимова Г. А. Писцовые материалы Деревской пятины как источник по генеалогии служилого сословия XVI века // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XIV. С. 59–74. (Далее: ВИД.)

³³Победимова Г. А. Обыскная книга 1573 г. Деревской пятины // ВИД. Т. XII. С. 49.

³⁴Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков. Из истории сельских поселений. М., 1962. С. 20.

С. В. Стрельников (Санкт-Петербург)

К ИЗУЧЕНИЮ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ СКЛАДЫВАНИЯ ПОМЕСТНОЙ СИСТЕМЫ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ КОНЦА XV в. (РОСТОВ И НОВГОРОД)

Вхождение Новгорода в состав формирующегося Русского государства при Иване III привело к конфискации у местных землевладельцев их вотчинных земель, данных затем в поместье московс-